

СЕРИЯ
СКОРОСТНАЯ МАГИСТРАЛЬ

220

1976

ТОМ I

НИКОЛАЙ СИМКИН

Николай Симкин

Скоростная магистраль. Том 1. 220

«Автор»

2026

Симкин Н.

Скоростная магистраль. Том 1. 220 / Н. Симкин — «Автор»,
2026

СССР, 1976 год. До рекорда скорости — считанные дни. До будущего, которое нельзя допустить, — целая жизнь. Инженер Павел Лунёв приходит в себя во время испытаний экспериментального электропоезда ЭР200. Ему тридцать два года. Но он помнит, как прожил восемьдесят два. В его памяти — 2026 год, судьба советской железной дороги и десятилетия ошибок, которые ещё только предстоит совершить. Он знает: разогнать поезд до 220 километров в час возможно. Гораздо труднее добиться, чтобы скоростное движение стало повседневной реальностью. И времени почти нет. Пока инженеры спорят о технических решениях, карьеристы делят будущие заслуги, а аппаратные противники готовят подставы, Павел пытается добиться права на испытания, способные изменить ход истории. Ему придётся рискнуть репутацией, признать собственные ошибки и научиться доверять людям, которым неизвестно будущее. А дома его ждут жена и маленькая дочь — семья, которую он уже однажды потерял. 220 километров в час — только начало...

© Симкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шум	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Симкин

Скоростная магистраль. Том 1. 220

Глава 1. Шум

Звук был неправильным.

Павел успел понять это раньше, чем вспомнил, где находится. Сквозь ровное, почти убаюкивающее гудение высокоскоростного поезда пробивалось короткое дребезжание, повторявшееся всякий раз, когда вагон проходил очередное едва заметное возмущение пути. Не громкое, не угрожающее; на обычной железной дороге его и не отличили бы от общего шума. Здесь же, где после долгих доводок добились необычной плавности хода, этот звук казался посторонним.

Под столом у Павла шевелился край бумажного пакета. На столе лежали карандаш, линейка, несколько листов с размеченными колонками. В узком окне скользили зелёные полосы леса, опоры контактной сети пролетали с темпом, на который глаз уже не успевал откликаться отдельным движением. На краю стола дрожала эмалированная кружка с недопитым чаем. У кружки была маленькая выбоина у ручки.

Он точно помнил эту выбоину.

От воспоминания вдруг стало не по себе. В прошлой, огромной по расстоянию жизни кружка стояла у него дома на верхней полке шкафа. Он не пользовался ею лет сорок, но хранил, потому что однажды решил: выбросить вещь, с которой началась настоящая работа, означало признать, будто вся та жизнь была черновиком.

Теперь кружка стояла перед ним, и чай в ней ещё не остыл.

— Лунёв, ты что, оглох? — спросили справа. — Я третий раз спрашиваю, поправлять отметку или оставить как есть.

Павел повернул голову. У стойки с приборами сидел Борис Крутов, худой, сутулый, с тёмными волосами, упавшими на лоб. На нём была светлая рубашка с расстёгнутым воротником; пальцы придерживали карандаш над бумажной лентой. Борис выглядел лет на тридцать, никак не больше.

В последний раз Павел видел его в больнице. Тот уже почти не говорил, и тогда Павел неловко держал его за холодную руку, не находя слов, которые не прозвучали бы ложью.

Крутов умер много лет назад.

— Боря, — произнёс Павел.

Тот недовольно прищурился.

— Что «Боря»? Ты смотришь или мне одному за двоих работать?

Павел опустил глаза на собственные руки. На тыльной стороне правой не было ни тёмного пятна, появившегося после шестидесяти, ни следа от поздней операции. Кожа на запястьях была тугой, сухожилия выступали отчётливо. Он осторожно сжал пальцы: они послушались без привычной боли. Под мышцами чувствовалась незнакомая, почти пугающая лёгкость.

Только сердце колотилось так, словно он не сидел за приборным столом, а бежал вдоль насыпи.

Поезд покачнулся на переходе между участками пути. Из-за стенки донёсся звук шагов, кто-то коротко окликнул соседа. Всё было слишком материальным для сна: запах нагретой аппаратуры, бумажная пыль, терпкая заварка, холод металла под ладонью.

— Оставь, — ответил Павел, ещё не понимая, о какой отметке идёт речь. — Пока не трогай.

Борис принял это за рабочий ответ и вернулся к приборам.

Павел заставил себя посмотреть на бумагу. Угол листа был отогнут, рядом стояли три строки карандашных чисел. Обозначения оказались знакомыми так резко, будто в памяти открылась дверь, которую десятилетиями никто не пробовал открыть. Замеры. Контрольные отметки. Положение кузова относительно тележки, давление в пневматическом подвешивании, заметки о ходе регуляторов. Для полной картины пришлось бы знать, какие именно датчики подключены и как они были поверены, но общий смысл он понимал.

Вся его жизнь после этого поезда выросла из таких листов. Не из больших речей и не из решений начальства, а из способности понять, почему в одном месте числа согласуются, а в другом начинают лгать — иногда по вине железа, чаще из-за слишком раннего вывода человека.

И в памяти всплыла ещё одна мысль, совершенно невозможная: впереди должны быть годы, десятилетия, распад огромной страны, другая экономика, чужие скоростные поезда на обновлённых линиях, жена, которой давно нет в живых.

Павел упёрся ладонью в стол.

— Ты побледнел, — сказал Крутов, не оборачиваясь. — Если укачало, выйди потом на воздух. Только ведомость мне сейчас не бросай.

— Скорость какая?

— Ты же сам записывал последний переход.

— Назови.

Борис сдвинул брови, но посмотрел на показание, переданное в их рабочие записи.

— Сто восемьдесят. Следующий режим отдельно согласуют. Не начинай только снова спорить о том, сколько на нём держаться.

Сто восемьдесят километров в час. Для этого состава скорость большая, но не предельная; для обычного пассажира того времени — почти невероятная. Павел ожидал, что услышанное подтвердит сон и всё немедленно исчезнет. Вместо этого за окном по-прежнему мелькали опоры, бумага под карандашом Крутова шуршала, а мелкая дрожь стола складывалась в совершенно определённый ритм.

Он снова уловил посторонний звук и понял наконец, откуда тот шёл. Не снизу, не из тележки. Дребезжала плохо закреплённая крышка приборного ящика под столом.

Облегчение получилось таким сильным, что Павел едва не рассмеялся. Первый признак опасности, за который уцепилось испуганное сознание, оказался всего лишь железной крышкой. Но вслед за облегчением пришла полезная злость на себя: ещё минута — и он мог начать делать выводы о подвешивании по тому, как звенит ничей ящик.

Он поставил ногу на крышку. Дребезжание прекратилось.

— Что там? — спросил Борис.

— Крепление ослабло.

— Доберёмся — подтянем.

Павел кивнул и только теперь разглядел рабочую запись, которую Крутов попросил поправить. Тот отметил карандашом начало серии на двух соседних кривых. На одной возле изменения режима появлялся заметный уступ; на другой сходное изменение происходило позже, и в ведомости между ними уже была проведена стрелка: «ответ на воздействие».

Стрелка была слишком уверенной.

— Ты сам их связывал? — спросил Павел.

— Что именно?

— Эти два места. Почему считаешь, что это одна реакция?

Крутов повернул бумагу к нему.

— Потому что в предыдущем проходе получилось похоже. Я пока поставил вопросительный знак, а стрелку ещё не обвёл. Ты сказал смотреть именно здесь.

Тонкий вопросительный знак действительно стоял сбоку, почти скрытый Павловой ладонью. Он не заметил его и чуть было не обвинил друга в поспешности. А тот уже делал именно то, чему Павел учил молодых сотрудников в собственной далёкой будущей жизни: отмечал наблюдение, не выдавая гипотезу за факт.

Павел придвинул лист, но перед глазами всё ещё мелькали не кривые, а больничная палата и чужое одеяло на костлявых коленях Бориса. Хотелось задать столько вопросов, что ни один из них нельзя было произнести.

— Нужна исходная разметка каналов, — сказал он наконец. — Не переписанная ведомость. Та, по которой подключали.

— Она у Лидии Борисовны. А что?

— Пока не знаю. Не нравится, что обе кривые обсуждаем как связанные, не проверив, где у каждой ноль и какое именно событие они отражают.

Борис отложил карандаш. Теперь он смотрел внимательно.

— Так ведь никто не утверждал, что это одинаковые события. Ты и сам вчера говорил: регулятор может запаздывать.

«Вчера» ударило сильнее любой новой подробности. У этого утра было вчера. У этих людей была общая вчерашняя беседа, в которой он участвовал, но которую сейчас помнил будто сквозь плотный туман. Он чувствовал, что знает схему, фамилии коллег и обязанности, однако не мог поручиться за последние сутки.

— Именно поэтому и нужна разметка, — ответил Павел. — Когда вернёмся, сравним с тем, что реально подключено. Стрелку пока не исправляй. И вопросительный знак оставь.

Борис пожал плечами и снова занялся лентой. Павел откинулся на спинку стула, стараясь дышать ровно.

Поезд продолжал идти на большой скорости, и теперь внешнее движение помогало не потеряться окончательно. За стенами вагона работали люди, каждый на своём участке. Машинисту было безразлично, что у одного из инженеров внезапно оказалась память длиной в восемьдесят два года. Ему были нужны исправная машина, понятные условия движения и действующие распоряжения. Прибористам — достоверная запись. Руководителю испытаний — доказательство, что очередной режим даёт полезный результат без превышения согласованных пределов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.